

ПОСЛЕДНИЙ

Туманный январский мороз. Лесная дорога вьется среди молодых елочек, на которые словно бы выплеснули воск, и он тотчас застыл, образовав плавную литую одежду. В высоком мягко-голубом небе где-то далеко-далеко сияет ослепительно яркое солнце. Искрящимся, чуть видимым потоком текут мириады снежинок, которые на мгновение вспыхивают, попав в солнечный поток, и потухают, канув в вечность, не успев зажечься. Тишина.

Безлюдная дорога выводит на холмистую снежную целину, прорезанную остановившей на время свой бег рекой. На ее противоположном берегу растут тополя с размашистыми, вскинутыми вверх голыми ветвями, а за ними стоят небольшие домики. Про них тоже не забыло солнце, подкрашивая такой обыденный пасмурный цвет бревен живой, теплой окраской. Это деревня Бобровка. Дорога обходит ее стороной, приближаясь к берегу реки. От бетонки отрывается маленькая тропочка и убегает через запорошенный мостик к тополям.

В общем, не такая уж пустынная эта дорога. Нередко здесь шумят машины. А иногда сюда, заслышав отдаленный гул лесовоза, выходит лось. Широкие ноздри его слегка вздрагивают. Нетерпеливо переступает он длинными ногами, чутко поводит ушами: ждет, когда приблизится к нему ворчливый и огромный зверь с круглыми, как луна, лапами, тянущий за собой большие деревья. Его хозяин похож на других двуногих, он ловок и проворен. Остановив луннолапого коня, он сойдет на землю, похлопает сохатого, почешет ему темно-бурый бок и скажет:

— А, старина! Где пропадад столько времени?

Потом достанет что-то вроде похоее на чагу, только белого цвета и очень вкусное, с ароматным свежим запахом. Разломит пополам, протянет:

— Ешь! Булки у вас в лесу не растут. Еще? Так и быть, забирай остатки, я как-нибудь обойдусь.

В здешние края сохатый пришел недавно—две зимы назад. Его преследовала стая волков. Серые трусливы. В одиночку нападать боятся, знают—ждет неминуемая смерть. А вместе смелы. Голод же делает их совсем свирепыми. Великан яростно отбивался. В темноте светилось несколько зеленых огоньков. Слышался хруст снега и лязг клыков. Два матерых волка одновременно прыгнули на сохатого, вцепившись в его шкуру около левой и правой лопаток. Он покачнулся и все-таки устоял, сумев сбить одного из зверей, ударив его о ствол дерева. Второй отскочил сам. Но силы у сохатого иссякали. Волки выгнали лося в поле и теперь упорно тянулись за ним. Снег здесь неглубокий, плотный, и им не составит особого труда завершить дело. Сохатый изматается, упадет, и тогда... Собрав остатки сил, он бросился к огням, к домам, к людям. Хищники не осмеливались подойти ближе, поджав хвосты, затрусил обратно в лес. Яростно залаяли собаки. А когда наутро все умолкло, лось ушел из Бобровки. С тех пор он стал навещать сюда, с

каждым разом чувствуя себя смелее и увереннее. Постепенно привык к людям, и люди привыкли к нему. Деревенские ребяташки, да и шоферы, всегда державшие при себе что-нибудь из съестного, так его и прозвали: «Наш сохатый».

Был сохатый последним в этих окрестностях. Других повыбили, иные давно ушли прочь, в дальние девственные дебри, куда еще не успел добраться человек, туда, где в болотистых низинах растут стебельки пушицы, а на лесных опушках — кипрей. А тут случилась радость — нашел себе лось молодую, грациозную невесту. Всем была хороша, да пуглива. Едва уговорил ее лось побродить в его вотчине. Когда заходил он в Бобровку восторженные крики ребяташек «Наш сохатый идет!», невеста дожидалась его где-нибудь в зарослях. Он не раз пытался внушить ей, что глупо ждать от людей чего-то дурного. Хоть и ломают они лес, и трудно теперь наесться досыта, приходится идти все дальше и дальше, но они совсем не злы, иногда сами приносят корм. И еще их боятся волки. У людей всегда найдешь защиту. Но невеста не хотела слушать своего друга.

Шло время. Минула весна, за нею лето. Осень в том году выдалась на редкость сухой и теплой. Тихо в лесу, но если прислушаться, то можно уловить его утреннюю песнь — то ли ветерок прогуливается в огромных еловых зарослях, то ли далекое эхо больших просыпающихся городов, то ли еще что-то. Проходит часа два, и влага со мха исчезает. Машины пока еще не гудят, но где-то рядом отчетливо слышатся голоса людей.

— Хорошо как здесь! — сказал молодой пожилому. — Присядем.

— Устал, что ли?

— Нет, конечно. Присядем, сам не захочешь вставать.

Дорога, уходящая вдаль, сливалась со строем высоких сосен, освещенных сверкающим солнцем, и пропадала за краешком небольшого озерца, отражающего совершенно чистое голубое небо. Этот северный край поистине можно было назвать страной солнца именно потому, что оно считалось здесь редким гостем, и люди каждый раз радовались его приходу, как празднику, пытаясь надолго впитать в себя и запомнить эту картину.

Молодой замечтался и сначала подумал, что ему кажется, будто из-под солнечной сени леса вышел на дорогу могучий великан, такой величественный, что загородил вдруг весь горизонт. Его раскидистые рога слегка серебрились. А совсем рядом выглядывала из-за кустов его невеста. Великан вскинул рога кверху, постоял и пошел прямо к людям.

Прозрачную лесную тишь разорвал оглушительный хлопок. Что-то сохатого сильно обожгло. Жжение не исчезло. Он недоуменно прижал уши, сделал несколько неуверенных шагов и остановился. Невеста тревожно взглянула на друга и вдруг рванула прямо в глухую чашу, успев громко протрубить на своем языке: «Спасайся!»

Сохатый сделал к людям еще один большой и неуверенный шаг. Прогремел второй и последний выстрел. Ничего не стоили волчьи клыки перед тем жгучим жалом, что впилося в его сердце. Великан тяжело рухнул на землю, подмяв под себя маленькие застонавшие деревца.

—Попал! — крикнул один из охотников и бросился к убитому зверю. — Какой бык, а!..

—Красавец. Одни рога чего стоят. Только тушу-то надо бы перевернуть.

—Это верно, переждем только вот, — указал человек на приближавшуюся машину.

Но лесовоз почему-то остановился. Усатый шофер в кирзовых сапогах спрыгнул на землю и бросился к убитому лосю.

— Это вы? — спросил он.

— Мы.

— Сволочи! Это же наш сохатый! Наш!.. — крикнул шофер. Он посмотрел на молодого, который ничего не понимал, и схватил его за грудки.

—Как это ваш?..— пролепетал тот. — Мы же убили. — Он потянулся в карман фуфайки за лицензией. — Вот..

Лесной великан и поверженным оставался все таким же могучим. Глаза его, блестящие поразительно ярким живым голубым пламенем, когда он доверчиво направлялся к людям, были широко открыты. Казалось, в них время застыло навсегда.

А невеста, круша заросли, все дальше уходила в лес. Она понимала, что лось больше не встанет, как никогда не вставали другие ее собратья после тех страшных хлопков. И если у нее когда-нибудь будут дети, она научит их не верить коварным двуногим существам. И никто из детей ее не забредет в те проклятые места.